

Модный Светъ

иллюстрированный журналъ
для дамъ

Годовая цѣна I-го изданія:

Съ 12 раскрашенными картинками:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки	4 р. — к.
— съ доставкой	5 — 50 —
Съ пересылкою въ другіе города	6 — —

Подписка на „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДІЕ.

Цѣна I-му изданію, съ пересылкою	3 р. 50 к.
II-му изданію, съ пересылкою	4 — —

Годовая цѣна II-го изданія:

Съ 24 раскрашенными картинками:

Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки	5 р. — к.
— съ доставкой	6 — 50 —
Съ пересылкою въ другіе города	7 — —

СОДЕРЖАНІЕ: За тронъ и жизнь. Историческій романъ Гейля. (Продолженіе). — Ложная дорогъ. — Гуга мергюан. Рассказъ Уильяма Коллинса. — Фальшеты. — Сибель. — Таблица выверокъ бланшетъ 1-го изданія 3/4 со съ выгравированнымъ зайцемъ, вышедшихъ въ тиражъ 1 июля 1871 г. — Продолженіе описанія рисунковъ № 31. — Объясненія.

За тронъ и жизнь.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ГЕЙЛЯ.
(Продолженіе).

X.

Утро въ Кенсингтонѣ.

Въ полтора миляхъ отъ восточной оконечности Гайль-Парка, лежитъ деревня Кенсингтонъ, съ замкомъ, носящимъ то же имя. Въ 1689 году король избралъ этотъ замокъ своей резиденціей. Недалеко отъ него находится древній замокъ Голландгоузъ, въ некогда принадлежавшій благородному роду Голланду. Позднѣе, здѣсь жилъ знаменитый Аддисонъ, женатый на графинѣ Варвикъ. Въ то время, какъ происходили описываемыя нами происшествія, деревня Кенсингтонъ имѣла чрезвычайный причудливый видъ. Король Вильгельмъ, поселившись здѣсь въ выше-сказанномъ году, возбудилъ этикъ поступкомъ, сильное неудовольствіе англійской аристократіи. Вильгельмъ терпѣть не могъ обширныя лондонскія дворцы, и ему не хотѣлось возвращаться въ Уайтголлъ. Обширное помѣщеніе и толпа придворныхъ не нравились ему. Уединенный образъ жизни, ставшій еще замѣтнѣе послѣ смерти жены Вильгельма, побуждалъ его искать жилища нѣ шумной столицы. Онъ былъ веселѣе и чувствовалъ себя лучше въ кружкѣ своихъ друзей, гдѣ онъ могъ поболтать и выпить стаканъ вина, не опасаясь придворныхъ наущиниковъ. Но это не нравилось блестящимъ царедворцамъ. Еще прежде совѣтовали королю устроить резиденцію въ Голландгоузѣ, зданія необычайной архитектуры, съ роскошною и комфортабельною внутренностью. И теперь еще замокъ этотъ представлялъ одинъ изъ лучшихъ памятниковъ соединенія готическаго стиля со стилемъ гегнаиссае. Король, дѣйствительно, нѣсколько времени жилъ въ Голландгоузѣ, но потомъ, рѣшившись переехать въ Кенсингтонъ, купилъ у графа Поттингема въ 1691 г. этотъ замокъ за 18,000 фунтовъ. Основная перестройка зданія и переделка сада требовали большаго издержекъ, и оппозиція воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы напасть на «фантазіи» короля. Но причиною неудовольствія

аристократовъ были не расходы, а удаленіе отъ Лондона. При Стюартахъ Уайтголлъ служилъ сборнымъ мѣстомъ веселой и разгульной знати. Объ томъ, что подъ его окнами упала голова Карла I, было скоро забыто, поминки только праздники и увеселенія, и знатнымъ, чиновнымъ людямъ казалось, что король отворачивается отъ нихъ. Уайтголлъ запустѣлъ, дворы его заросли травой; гдѣ некогда раздавались веселые, свѣтлые, блестящіе разговоры, гдѣ сообщались и отсюда распространялись городскія новости, политическія слухи и всевозможныя происшествія, тамъ теперь расхаживали одинокіе часовые, и звуки ихъ шаговъ будили эхо въ пустыхъ стѣнахъ.

Король Вильгельмъ, занятый серьезными планами, не находилъ удовольствія въ пустыхъ развѣдчивахъ, которымъ предавались еще многие царители; и намъ было немало людей, которые въ тихомолку вздыхали о прежней придворной жизни, и готовы были отказаться отъ понаго монарха такъ же легко, какъ покинули старое. Хотя Кенсингтонъ лежалъ недалеко отъ Лондона, но всетаки, въ 1691 году, онъ не былъ, какъ теперь, частною столицей. Когда король поселился тамъ, Кенсингтонъ можно было назвать дачей скорѣе, чѣмъ замкомъ; изъ этого мѣстечка въ Лондонъ вели грязныя дороги и темныя улицы; въ сумерки наступалъ совершенный мракъ, потому что фонарей было весьма немного; по всѣмъ этимъ причинамъ, Кенсингтонъ не могъ служить сборнымъ мѣстомъ царедворцевъ.

На всѣхъ этотъ ронотъ Вильгельмъ обращалъ весьма мало вниманія. Онъ перестроилъ замокъ, ухаживалъ паркъ и обнесъ его стѣною. Отсюда онъ разъѣзжалъ по окрестностямъ и каждую субботу отправлялся на охоту въ Кенсингтона въ Ричмондъ-паркъ. Этотъ расколъ земли играть важную роль въ нашихъ разсказахъ, поэтому мы должны познатькомъ съ нимъ читателя, описать его такими, каковы онъ былъ во времена короля Вильгельма. Темза раздѣляла графства Миддл-Сексъ и Суррей. Изъ Кенсингтона, лежащаго въ въ Миддл-Сексѣ, Вильгельмъ обыкновенно отправлялся на охоту. Между Лондономъ и Кингстономъ тогда не было моста, потому король ѣзжалъ черезъ Челси въ Турнаманъ Гринъ. Здѣсь

былъ устроенъ перевозъ черезъ Темзу на паромѣ, приставившемъ на сурейскомъ берегу. Ричмондъ находился въ двухъ шагахъ отсюда. По окончаніи охоты, король по той же дорогѣ возвращался до рѣки, близъ Кью, садился въ лодку и переезжалъ въ Турнаманъ-Гринъ. Вся эта мѣстность, въ то время, была довольно пустыня, а на берегу Миддл-Секса, у Турнамана, переезжалъ нѣскольکو дорогъ съ исторіею. Между Чисвикомъ, Гамерсмитомъ, Брентфордъ — теперь составляющими части Лондона, тогда лежали просѣки, рвы и вспаханные поля, непроходимые въ дождливую погоду; даже пристань короля была до того болотиста, что даже легкія охотничьи лодки только съ трудомъ можно было протолкнуть на гряды. Когда король отправлялся въ Сентъ-Джемскій дворецъ, въ Лондонъ, онъ проѣзжалъ сначала черезъ Гайль-Паркъ, а потомъ, черезъ такъ называемый Гринъ-Паркъ, въѣзжалъ въ городъ. Тамъ, гдѣ теперь Асплей-гоузъ и Гамильтонъа площадь — въ то время было пустынное, безлюдное мѣсто, черезъ которое должны были проѣзжать королевскіе экипажи.

Кенсингтонгоузъ съ виду производилъ приятное впечатлѣніе; но въ просторныхъ покояхъ царствовала тишина, и когда за вошедшимъ заперыми желѣзными рѣшетчатыми воротами, ему становилось какъ-то не по себѣ, — чувство, всегда порожаемое глубокимъ безмолвіемъ, когда стоишь передъ большимъ, пустымъ зданіемъ. Архитектура Кенсингтона сама по себѣ тажедвоякая, и почти подавленная. Король Вильгельмъ сдѣлалъ много уступченій. Въ 1693 — 1694 онъ асталъ въ проложить дорогу, черезъ поле, до Гайль-Парка; ее установилъ фонарями и усадили деревьями, но вокругъ и внутри Кенсингтона жизни отъ этого не прибавилось. Широкая аѣстница съ мраморными ступенями, художественно исполненныя желѣзные перила, громадные каменные pedestals съ столпами на нихъ фигурами, все это придаетъ крыльцу внушительный видъ. Галлерея, ведущая къ аѣстницѣ, не менѣе величественна и украшена превосходными картинами; — но все неспиритно, неуютно. Не безъ основанія говорили, что король Вильгельмъ по своему вкусу переѣзжалъ дворъ такъ, чтобы онъ какъ можно болѣе гармонировалъ съ его холодной натурой. Великій правитель

не могъ приобрести любовь всѣхъ своихъ подданныхъ, но онъ вѣхомоуку приготавливалъ величіе своей страны.

Надежда зародилась у приверженцевъ Вильгельма, когда они узнали, какъ вѣстать и сообщать вѣстать король во время своего путешествія по странѣ. Они рассчитывали, что онъ останется такимъ, но ошиблись въ расчетѣ. Возвратясь въ Кенсингтонъ, король снова впадалъ въ глубокое молчаніе и сдержанность, почти граничившую съ меланхоліей. Всѣ заботы и труды обрушились на него, и онъ могъ быть вѣстать только въ кругу друзей, сопровождавшихъ его изъ Голландіи въ Англію.

Былъ десятый часъ, когда король изъ купальни прошолъ въ библіотеку. Изъ этой комнаты былъ виднѣнъ весь Голландгаузъ. Газъ пріятно отдалъ на сонныхъ полянахъ, прерываемыхъ рощами. Комната была установлена большими шкапами, изъ которыхъ, однако, книги вынимались рѣдко, король читалъ не много, а если читалъ, то это были военные трактаты или сухія, но важныя сочиненія о государственномъ устройствѣ. Мебель, однако простая, имѣла красивую форму и была обитая дорогими матеріями. Тамъ и сямъ, на стѣнахъ, висѣли плакаты рисунковъ; на подставкѣ полированного дуба помѣщались небольшая коллекція огнестрѣльныхъ орудій различной конструкции. Кромѣ того, стѣны украшались мужскими и женскими портретами. Посреди комнаты стоялъ испанскій дубовый столикъ, дингивалъ на колесикахъ. Воротъ стога былъ обнесенъ рѣшоткой, прерываемой столбиками, на верху которыхъ лежали пуши—воспоминанія различныхъ битвъ, въ которыхъ участвовалъ король. Часть рѣшотки снималась. Передъ этимъ мѣстомъ стояло зеленое сафьянное кресло, въ которомъ король отдыхалъ и работалъ. На столѣ находились массивная чернильница, а рядомъ съ нею большіе пуши опочившихъ перьевъ. Король писалъ часто скоро и употреблялъ много перьевъ. На столѣбѣ изъ ружейнаго дула тикали часы съ надписью «Je maintiendrai» — девизомъ французскаго дома.

Въ это утро на королѣ были надѣты даппинъ жилетъ и панталонъ изъ тонкаго голландскаго сукна, а поверхъ этого толстый полноватый жилетъ темнозеленаго цвѣта съ широкими карманами и короткими рукавами. Голландскія кружева, которыми были обиты рукава, падали на его костлявыя, некрасивыя руки. Ноги его были до коленъ обуты въ сапоги изъ толстой кожи, а шпори онъ носилъ постоянно. Держа въ рукахъ какую-то бумагу, онъ такъ записалъ тѣмъ, что не замѣчалъ широконосагого человека, въ гвардейскихъ мундирѣ, съ великобританскою перьями на груди. У этого человека было загорѣлое лицо, кавказская форма, которая раздѣлялась на двое и загнбавлась почти до ушей, пышный вѣеръ, а нежною оставивши волосамъ были почти сданы. Онъ сѣлся кашляющую—король обернулся.

— А—Куттсъ, мой храбрый Куттсъ, воскликнулъ онъ, протягивая руку. Его глаза засіяли радостью, какъ это всегда случалось, когда онъ видѣлъ одного изъ своихъ солдатъ, а Куттсъ, капитанъ королевской гвардіи, былъ одинъ изъ храбрѣйшихъ людей въ мірѣ. Онъ необыкновенно отличался при Брестѣ, Намурѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ.

Вильгельмъ опустил лѣвую, который онъ держалъ въ рукахъ.

— Что нового, Куттсъ? сказалъ онъ.

— Государь, отвѣчалъ Куттсъ, «я являюсь съ докладомъ. Здѣсь, въ Кенсингтонѣ, все дѣлается по согласію—здѣсь есть только лѣзвонки, когда собирается общество, а на меня лежитъ обязанность заботиться обо всемъ остальномъ».

— Такъ же, какъ въ полѣ, Куттсъ—какъ подъ Намуромъ, гдѣ ты вѣдалъ баттарію, тамъ ты также былъ распорядителемъ хвальной потѣхи—ну, твой докладъ?

— Гмъ, началъ Куттсъ, «я не знаю, какъ ваше величество приметъ мой докладъ—въ мой доносъ».

Лицо короля стало еще суровѣе обыкновеннаго. Онъ ненавидѣлъ клевету и сплетни.

— Я вѣрю всего подобнаго, познать онъ, «но, вѣроятно, тоже дѣло казнь пустаго доноса, потому что Куттсъ не принадлежить къ числу сплетниковъ».

— Это правда, государь, воскликнулъ капитанъ. «Вы приказали мнѣ никому, кромѣ васъ, не передавать наѣстныхъ вѣщей, ну такъ слушайте: противъ васъ есть заговоръ».

Король засмѣялся почти презрительно, и слегка замахнулся, «опять!» воскликнулъ онъ, «о, во время моего путешествія я слышалъ Богъ знаетъ что, а на дѣлѣ не видѣлъ ни такой малости». Король показавъ кончикъ языка.

— Ну, если вы такъ легкомысленно—звучитъ въ выраженіе, государь—такъ легкомысленно относитесь къ вашему же благо, то другіе должны заботиться, чтобы съ нами ничего не случилось».

— Да, да, Куттсъ, сказалъ король, заботись. Ты знаешь, гдѣ есть опасность, я такъ всегда впередъ, а первый бросается въ огонь и послѣднимъ уходитъ изъ него. Мой противникъ, великій Коде, сказалъ про меня послѣ сѣнскей битвы: Вильгельмъ французскій вѣкъ себя совершенно какъ старый генералъ, только въ немъ есть одинъ недостатокъ: безумная отвага. Меня называли легкомысленнымъ, потому что полководцу должно беречь себя, но я дѣлалъ это изъ чувства долга, чтобы показать солдатамъ примѣръ. Теперь также на меня смотрятъ; если я бѣгу трусливо и неуверенно, вѣду научусь безпорядку—я не долженъ ничего бѣгства и ничего не бѣгства. Плохія времена, Куттсъ, плохія времена, надхлѣстъ король. «О, есть орудіе, которое ранитъ больше, чѣмъ кинжалъ убійцы». Онъ вскакнулъ на бугаю.

— Ну, началъ Куттсъ, «заговоръ перекрестная штука, и провансъ я, если онъ уже не сообрѣлъ. Вотъ доказательства: саръ Годольфинъ Повеаль, дѣятельный смѣшникъ и поминчикъ королю, который то тутъ, то тамъ появляется въ Лондонѣ, періодично, проводитъ цѣлыя ночи въ подвалахъ и трубахъ, трется между мѣшанина, мужикана, аристократами и духовенствомъ, сегодня нѣтъ однимъ, завтра поѣхалъ другіе, нѣмцы, сегодня утромъ доставилъ мнѣ рапортъ для вашего величества. Въ Лондонѣ появлялись люди, безъ сомнѣнія, затѣвавшие нѣтъ. Куттсъ вытаскивалъ бумагу. Въ Лондонѣ встрѣчались, въ различныхъ подозрительныхъ мѣстахъ, Тима Кассела, крикну и ругателя, холода, принадлежавшаго въ Сентъ-Иеремъ къ гвардіи Якова Стюарта; Амвросію Ровуа, человека въ сущности хорошаго и честнаго, но ярого любителя; Иоганна Бернгарди, молчаливаго изъ Генуи, называющаго себя мажоромъ—оба принадлежали также къ гвардіи Стюарта; съ ними было еще нѣсколько неизвѣстныхъ личностей, которыхъ принимаютъ за любовниковъ солдатъ. Повеаль говоритъ; что нужно этимъ людямъ въ Лондонѣ? До сихъ поръ онъ сидѣлъ въ Сентъ-Иеремъ, и со времени бѣгства Якова не показывался въ Лондонѣ, зачѣмъ же онъ вдругъ теперь появился здѣсь, именно послѣ возвращенія вашего величества изъ благополучнаго путешествія?

— Аргументы ихъ, если хотите, сказалъ король, росъ въ своихъ бумагахъ.

— Да—тутъ то и заговора. Эти люди прачутся такъ отлично, что до нихъ не доберешься.

Вильгельмъ сталъ внимательнѣе. «Какъ? Повеаль не можетъ ихъ найти?»

— Итъ. У нихъ есть, вѣроятно, условный знакъ, и долженъ быть предводитель, котораго онъ узнаютъ по этому знаку. Повеаль наблюдалъ за Касселомъ и Бернгарди на Ковентъ-гарденской площади—нѣсколько времени оба шли, точно

ища чего-то—потомъ вдругъ увидѣли человека, бросились къ нему, жали руки, говорили, и ушли втроемъ. На слѣдующій вечеръ Повеаль опять узналъ тотъ же постъ—принималъ Ровуа съ тремя другими, и они опять искали, пока нашла вѣрнѣшаго человека, съ которымъ поговорились и снова ушли въ мѣстѣ.

— Э, Повеаль просто глупецъ, сердито сказалъ король. «Если эти люди кажутся ему подозрительными, онъ долженъ задерживать ихъ».

— Несмотря на всѣ усилія, онъ не удастся напирать ихъ. Они исчезли въ одномъ домѣ въ Генриэтъ-стритъ, подъ носомъ у сыщика».

Король задумался. «Странно», сказалъ онъ, «во время путешествія я также былъ свидетелемъ такого необычайнаго исчезновенія, въ Блэкнэй-стонѣ».

— Я знаю, сказалъ Куттсъ. «Генри Гоббартъ говорилъ мнѣ».

— Да—да, бѣгутъ.

— Но, ваше величество, это видѣлъ покрайней мѣрѣ двѣсти человекъ».

— Конечно, Куттсъ, это такъ—съ Повеаль случалось то же, что и со мною. Все это естественно—въ томъ домѣ эти люди просто прошли въ потайную дверь, точно также и въ Блэкнэй-стонѣ была лѣзвонка—почти я распустилъ это. Но само собою разумеется, что ничего не нашло. Зачѣмъ, однако, гвардейцамъ Стюарта быть въ Лондонѣ? Гмъ—въ этомъ нѣтъ ничего важнаго, Куттсъ, они бѣдны, у Якова не хватаетъ денегъ. Они едва затѣваютъ надхлѣстъ. «Это просто дезертиры», продолжалъ онъ, и больше ничего. Служи Повеаль, чтобы они оставались нѣтъ прогнаными на Ковентъгарденской площади, вѣдь они не дѣлаютъ тамъ ничего дурнаго. Не нужно разувать подобныя истории—лучше проходить ихъ молчаливо».

— Да, это было бы прекрасно, если бы они оставались въ Лондонѣ, государь. Но Повеаль продолжалъ сидѣть за ними и такъ какъ ему не удалось накрыть ихъ въ Лондонѣ, онъ пошелъ за ними по пятамъ за городъ и видѣлъ, какъ они крались кругомъ этого дворца, парка и стѣн. Они оставались здѣсь долго, и все подробно разсмотрѣли».

Король сдѣлалъ легкое движеніе изумленія. «О, о», сказалъ онъ, хрипло засмѣявшись. «Мой Кенсингтонъ правится любителямъ. Они хотятъ его посмотреть—это я могу нѣтъ познать».

Куттсъ покачалъ головою.—Вы положены королемъ съ податными попомъ, государь—не страшитесь нападенія; но я вѣстали предостерегаю васъ. Мнѣ кажется, что существуетъ заговоръ, я стою на этомъ, я Повеаль опитенъ въ дѣлахъ; въ томъ же, я вижу связь между ихъ проклятыми планами и еще однимъ страннымъ случаемъ. Узе третій день, въ тотъ часъ, когда вы даете аудиенцію въ Сентъ-Джексонъ дворцѣ, туда являлись странная женщина. Она одѣта по модѣ 78 года, чрезвычайно перталва, несмотря на старость, много толкуетъ о приверженности къ вашему величеству и непрерывно хочетъ говорить съ вами. Нѣсколько разъ уже у насъ спрашивали, какъ ее зовутъ, но она не говоритъ. Повеаль еще не видѣлъ ее, но одинъ изъ его агентовъ проследилъ за этой женщиной; жалъ только, что толпы народа, ежедневно прогуливающихся теперь по и овалъ Чарингъ-Кросса, и вдоль берега, отбѣжали его отъ этой личности, но есть вѣрнѣша предположитъ, что эта странная особа неслучайно также близъ Генриэтъ-Стритъ».

— Можеть быть, это ошибка. Мнѣ уже случалось принимать такихъ постыженіи. Напримѣръ, въ 92 году, когда затѣвался Фулдеронское возмущеніе. Тогда въ Гамптонъ-Кортъ пришла какая-то женщина, нѣчто въ родѣ пророчицы, и предостерегала меня.

— Она сказала неправду?

— Итъ—не совсѣмъ, тихо отвѣчалъ король.

«Но послѣ это объяснилось. Отъ любви къ одному изъ товарищей Фуллера, покинувшего ее, она пожелала, и въ принадлежностей суместившая выбрала все, что услышала съ разныхъ сторонъ».

— Ну — старуха то помѣшана, но мнѣ кажется, что она въ полномъ разсудѣ, и я сильно благодарю ее.

Король промолвилъ: «Больше ничего, Куттисъ!»

— Ничего. Ваше величество ѣдете сегодня въ Сентъ-Джемсъ. Герцогъ Гобуртъ будетъ командовать вашимъ отрядомъ, и станетъ на караулъ во дворѣ.

— Хорошо.

Куттисъ поклонился и вышелъ. Король быстро открылъ окно и съ наслажденіемъ вдохнулъ свѣжій воздухъ. Страда съ молодости одышкой, его потребовало дышать какъ можно больше воздухомъ полей. Въ серединѣ разговора, изъ окна, несмотря на вѣтеръ и снѣгъ, онъ отворилъ всегда окно, чтобы доставить себѣ удовольствіе вдохнуть холодный, чистый воздухъ. Глубоко вздохнувши несколько разъ, онъ закрылъ окно и подошелъ къ столу; лицо его было печально. Онъ вынулъ бумаги и пересматривалъ ихъ. «Постоянно тревога; мой женихъ подобенъ волнующемуся морю», молвила онъ про себя.

— Отсюда грозитъ война. Онъ пальцемъ указалъ на картъ Фландрію и Гентъ. «Внутри междоусобія и заговоры. Это наврядно не выйдутъ; ещеисколько дней тому назадъ я неувѣрилъ этому, но сегодня убѣдился, что армія мѣжтея — моя жизнь въ опасности, а здѣсь, здѣсь — всеричуалъ онъ, поднимая листъ, который читалъ, — «здѣсь ужаснѣйшій врагъ, истиннѣйшій, котораго я страшусь, нуджа — бездѣленье». Онъ въ наемкожи указъ въ кресло, его глаза устремились на стѣну, гдѣ висѣлъ портретъ женщины по весь ростъ. Горе и работы внезапно исчезли съ его лица, онъ поднялъ голову и руку, на губахъ его появилась слабая улыбка, и слезы завертели на рѣсницахъ его прекрасныхъ глазъ.

— Марія, прошептала онъ, поднималась съ кресла, «Марія, обожаемая тѣмъ, — слезы ко мнѣ, и защиты меня». Устремивъ взоръ на портретъ возлюбленной, умершей женой, король стоялъ около большого стола, заведеннаго множествомъ бумагъ — доказательствомъ неустойчивой работы короля. Онъ снова протянулъ руку къ портрету, и ему почувствовалось, что яркое, красивое лицо улыбается тою же доброй, любящей, обаяющей улыбкой, какой женой улыбалась ему при жизни. «Да, да», громко, съ жаромъ воскликнулъ король, «ты не умерла для меня, ты борешься надо мною, я ощущаю вокругъ себя твоё дыханіе, и не паду жертвою моихъ враговъ. Много лѣтъ я рисовалъ, работалъ, исполналъ — и не упалъ духомъ и теперь, когда мнѣ остается сдѣлать два-три усиля, чтобы достигнуть цѣли. Онъ веселѣе кинулся портрету. «И хороній протестантъ и вѣрный приверженецъ моего ученія», сказалъ онъ, «но вѣщаетъ, дорогая моя, я обращаю къ тебѣ съ прекраснымъ пріятельствомъ католиковъ: «благодарю тебя, Марія!»

Въ дверь слегка постучались.

— Войдите! крикнулъ король.

(Продолженіе будетъ).

Ложная дорога.

И не всегда было пѣшвыи, говорилъ намъ однажды вечеромъ докторъ Натанъ. Мой любъ обаялиаи курные волосы; мой, теперь оченъ дородный, станъ можно было обхватить десяти пальцами; я былъ молодъ и красивъ. Красивъ, говорю откровенно. Не подразумѣвайте подъ этимъ словомъ болѣе того, чѣмъ обыкновенно

похвалялись отжившіи вдовухи. Въ старія женщины были красивы, не такъ-ли? Всегда не сказать того-же и про старыхъ врачей. Обычно-но про молодыхъ вспоминаютъ, да расказано о прошлой любви; поэтому, вы можете получить, что я хочу положить передъ вами исторію любви. Ошибаетесь; ели-ли можно назвать прекраснымъ именемъ любовь то чувство, которое я буду анализировать и которое вы можете мнѣ окрестить. Люди обыкновенно обращаютъ вниманіе только на ярія красна, поутому для нихъ исчезаютъ; поэтому, въ ибжины чувства попадаютъ подъ двѣ категоріи: любовь и дружбу; одно различно отъ другого. Между тѣмъ, сколько оттичково между тѣмъ и другимъ! сколько разнообразныхъ чувствъ, замѣстующихъ преданность у дружбы, ревности предоставляющихъ любви и живущихъ и умирающихъ безъ всякихъ правъ гражданства. Слѣдуя обычной рутинѣ, судите и почитайте меня или между любовниками, или между друзьями; но если родъ мое приваиваніе покажется вамъ ослѣплымъ, скажите мнѣ, признайтесь, что не знаете, какъ ее классифицировать, что сортирова васъ затрудняетъ. Не пользуйтесь при этомъ принципомъ національности; онъ и безъ того составилъ себѣ столъ стѣпанную зарею въ политикѣ, что нѣ можно пренебречь въ предѣлахъ чувства. Таково мое убѣжденіе; и напередъ его высказываю. Не будучи ни латинцемъ, ни англо-сансонецъ, я довольствуюсь моимъ маленькимъ ключомъ земли, между владѣніями любви и дружбы. Я не слюбъ-бы себя ни менѣе ставилъ, ни менѣе свободнымъ, обитая въ гораздо ничтожнѣйшій сообществѣ. Будетъ-ли васъ интересовало мой расказъ, собственно для меня все равно; что-же касается моей героини, то и падѣло. Она была добра, по несчастью, какъ говорили въ XVIII вѣкѣ, въ доброе сентиментальное время. Счастіе не походитъ на Римъ, къ нему не ведетъ легкая дорога. Иногда, думая понасть на хорошую дорогу, замѣчавъ свою ошибку, да ужъ вернуться поздно. Моя героиня укупила свою ошибку на званіи, безъ сомнѣнія, потому что Богъ не пожелалъ на томъ свѣтѣ карать такую безпечную душу.

I.

Я пріѣхалъ въ Парижъ, двадцать лѣтъ назадъ, чтобы поступить въ медицинскую школу. Я имѣлъ двадцать лѣтъ отъ роду и тѣ волосы, и тотъ станъ, о которомъ упоминалъ въ началѣ расказа. Я не былъ красивъ, что видно по моимъ чертамъ, но поражалъ необыкновенною юношескою свѣжестью и граціей, такъ что одна моя тетка, большой анатомъ въ этомъ отношеніи, часто говорила: «Этотъ плутъ будетъ одерживать победы въ Парижѣ». Въ первый разъ эти слова и послѣдованій за ними глумливый вздохъ заставили меня призадуматься. Я посмотрѣлъ на тетку, но увидя ея сѣдые кудри, очки на обычномъ мѣстѣ и широкія складки щечъ, подумалъ, что если мои победы будутъ выкрываться по ея мѣрѣ, то плохой-же буду я побѣдителемъ. Мой отецъ, какъ вамъ извѣстно, подобно мнѣ, практиковалъ въ Байѣ и мы жили тогда за городомъ. Слѣдственно, мы пользовались дачей; я привыкъ къ чистому воздуху Нормандіи, къ лугамъ, зеленымъ имъ и луку. Судите о моемъ ужасѣ, когда я вдохнулъ спертую атмосферу Парижа, увидѣвъ грязныя улицы, окружавшія медицинскую школу. Я вышелъ изъ этажа латинскаго квартала. Онъ былъ до того грязенъ, что я пожелалъ не почитать въ немъ болѣе одной комнаты. На другой день я отправился гулять по Люксембургъ, потомъ по улицѣ Вожарръ доходить до бульвара. Тамъ мои глаза вновь увидѣли зелень; передо мною расстилалась равнина. «Если-бы я жилъ здѣсь, подумалъ я, то любовался бы заходомъ солнца, то самого, которое свѣтитъ моей матерѣ; я могъ бы вдыхать чистый воздухъ изъ моего окна». Гуляя,

я прошагалъ улицу Севръ; тутъ мнѣ представился домикъ, нѣсколько удешевленъ и отдаленъ отъ бульвара рѣшоткой. Разсмотрѣвъ его съ восторгомъ, я замѣтилъ надпись съ слѣдующими магическими словами: *отдается въ наемъ квартира для холостого*. Мнѣ показался чистымъ и просторнымъ мансару; я тотчасъ же оставилъ ее за собою. Правда, она стояла дорого, была удалена отъ школы; и сдѣлать не малую глупость. Впрочемъ, такому ходу, какъ мнѣ, нечего было болѣе лишиться десяти шаговъ.

До сихъ поръ мнѣ тяжело было на сердцѣ; первое обогаченіе я почувствовалъ въ новой комнатѣ, окончивъ установку мебели и книгъ. Я былъ у себя! Старинное кресло, купленное по случаю, протягивало свои тонкія руки передъ несмысленнымъ столомъ. Черезъ окно проходилъ яріи свѣтъ, освѣщавшій одинокое ложе, ожидавшее меня послѣ работы. Мои чувства быстро переходили отъ печали къ радости; вспоминая домикъ въ Байѣ, добрую фигуру матери, распеваеыя отпа, услужливую готовность служанки, я испытывалъ магическое сокращеніе въ горѣ. Жгучее чувство въ глазахъ могло-бы доказать, что я плакалъ, если-бы даже я не чувствовалъ на щекахъ двухъ горячихъ слезъ. Затѣмъ, оттолкнувъ ногою кресло, я начиналъ прогибаться между окномъ и постелью, какъ унизилъ, и становился веселъ. «Я свободенъ, думалъ я, въ первый разъ; свобода дѣлаетъ меня мужичиной, жизнь ожидаетъ меня».

Я предался съ одинакимъ жаромъ занятіямъ и удовольствіямъ и вскорѣ въ первомъ преуспѣлъ болѣе, чѣмъ во второмъ. Едва-ли будутъ для васъ интересны мои любовныя похождения въ латинскомъ кварталѣ. Здѣсь дѣло идетъ не о нихъ; довольно знать, что не прошло и трехъ недѣль, какъ я уже былъ влюбленъ, счастливъ и попутенъ. Въ юношескомъ увлеченіи, я принялъ эту измѣну очень близко къ сердцу и пожелалъ навсегда отказаться отъ бабъ и гризетовъ. Большую часть времени я проводилъ дома, то у отца, мечтая о неопознанныхъ женщинъ, то у рабочаго стола, изучая тайны челоукаго сознанія. Мои сосѣди вовсе не интересовали меня. Старый генералъ, подгадрикъ, жившій въ первомъ этажѣ, шарфами выставалъ голову, позволяя мнѣ любоваться голубыми узорами своего козла, вышитыми на жемчужномъ фонѣ. Во второмъ этажѣ проживала вдова съ сыномъ и тощей дочерью. Мой домъ походилъ на прибрежніе убогихъ. Но, благодаря необходимости быть въ двадцать лѣтъ мечтателемъ, мое любовничество тотчасъ-же было затронуто безлѣтностью, она котораго постоянно оставалась запертой. Рассматривъ передъ нимъ садикъ, состоявшій изъ бархатной думайи, усальной кое-гдѣ куртизанкой, былъ зашученъ; алканъ заросла травой и думайи были пусты. Викторъ Гюго, такъ поэтично описывавшій безпорядокъ, заброшенныхъ садовъ, не вѣдалъ бы этаго за образа. Несмотря на то, онъ мнѣ нравился и развлекалъ меня. Квартира съ садикомъ напоминала одной дамой, жившей въ Италіи; эти два магическихъ слова дама и Италія, не знаю почему, смущали меня. Что это за дама? зналъ я. Чья большая или маленькая ножка ступила на этотъ бездѣльный лужокъ? Украшенъ-ли она когда нибудь цѣпками? Брюнетка она, или блондинка, хороша или дурна? Для молодого челоука, это все важныя вопросы. Отвѣтъ вскорѣ не замедлилъ явиться.

Въ одно утро я шолъ въ медицинскую школу, прохода по улицѣ Вожарръ и угнупиши носъ въ книгу, я вдругъ услышалъ за собою стукъ колесъ и гулаи куша. Это была, по всей вѣроятности, потовалъ карета, ѣхавшая спорнымъ шагомъ. Она не замедлила такъ близко пробѣжать мимо меня и такъ пренебрежно сбрызгивать грязью, что платье мое стало похоже на какое то созвѣдіе. Я остановился въ ярости, готовясь отстоять; но карета быстро укатилась. Двѣ дѣтскія головки вы-

сунулись изъ дверей, потышась надъ мной, несчастіемъ. Я вытерся наскоро. Приди въ себя вѣтромъ, я увидѣлъ въ пустой квартирѣ безъ-теплоты множество вещей. Мнѣ пришло въ голову, что, вѣроятно, пріѣхала моя незнакомка и что это ей карета сегодня утромъ, отдала меня такъ прескверно. При этомъ воспоминаніи представлялось не красное, а неспитицающее.

На другой день всѣ сомнѣнія разрѣшились, когда въ саду появились мои маленькіе нашившійся. Онѣ были очаровательны. Что же изъ этого? Мой романъ приходилъ къ концу, не успѣвъ еще начаться. Ушло-ли я когда нибудь особу, пріѣхавшую съ такимъ шумомъ и такъ любезно обывавшую графью прохватою.

Дворникъ сообщил мнѣ, что новая жилища назывались мадамъ Мортимеръ, и что двѣ маленькія дѣвочки были ей племянницами. Я спросилъ не вдова-ли она; онъ отвѣчалъ съ видомъ званова: — Почти что такъ; она не живетъ съ мужемъ.

Хотя я былъ сердитъ на мадамъ Мортимеръ, однако не хотѣлъ, чтобы на нее зловолеили. Я прерывалъ разговоръ.

Въ слѣдующіе дни маленькія дѣвочки заглядывали садомъ и я могъ любоваться имъ вдоволь. Одной было, повидимому, девять лѣтъ, другой пять, обѣ очень хорошенькія, съ длинными блондурами кудрями, распышавшимися по плечамъ.

Очевидно, ходить не позволяло выходить изъ тетушки; я не видѣлъ ее, но слышалъ ее голосъ, самый пріятный въ мірѣ. Она звала домой Луизу и Марію; двѣ уходили. Послѣ несколькихъ холодныхъ дней, когда потеплѣла и я съ радостью заивѣлъ, въ одинъ солнечный день, мадамъ Мортимеръ, прогуливаясь по мягкому дерну. Прогнали я повторялся ежедневно и я могъ, сколько душъ угодно, изучать мою сестру. Подобно племянницамъ, она была блондура и въ общемъ такъ очаровательна, что и всѣми силами старалась забыть мое купанье въ грязи. Наблюдая съ высоты пылкого полета, я съ трудомъ могъ составить понятіе о ее чертахъ и ставъ; я замѣтилъ только профиль ея носа, который показывалъ мнѣ прямица; форма головы была очаровательно хороша. Она держалась безукоризненно просто, какъ всѣ женщины того времени. Подъ мантеліей она носила родъ пышковой блузы, собраной у шеи и стянутой впередъ талии поясомъ той же матеріи. Она наизмѣла иногда цѣвть своей одеждѣ, но покорѣ оставалась всегда одинаковою. Ничто не могло быть граціознѣе этой фигуры, наблюдаемой съ высоты. Однажды она наклонилась за цѣвтомъ; я могъ любоваться бѣлымъ затылкомъ, на которомъ бистало нѣсколько золотыхъ нитокъ, выдвинувшихъ изъ подъ гребенки.

Хдѣш прошу у васъ извѣщенія; я намѣренъ разсказывать вамъ кое что о себѣ и о настроеніи моего духа. Молодые люди наканунѣ 1830 г. не походили на нынѣшнихъ. Воздухъ былъ до того пропитанъ романтизмомъ, что даже студенты медицины не забывали отъ мечтательности. Сверхъ того, любознательность была тогда общими достоинствомъ. Мы всѣ двадцатилѣтніе юноши были еи подвержены; если наша сердце не располагало къ любви, то мы любознательны для сохранения челоукаго достоинства. Счастливые дни, счастливая времена, когда вселій молодой челоука въ считалъ безцѣстиемъ не любить. Но на какую почуу тогда это семью любви: въ душу отчаявшуюся, въ сердце разотравленную!

— Да, думаю я, я буду любить ее издалека, не зная ее и не приближаясь къ ней. Это явленіе составило интересъ моей жизни. Дни счастья будущаго для меня тѣ, когда я вижу ее въ саду; дни несчастія — когда дождь или холодъ задержатъ ее дома. Работное раздѣляетъ насъ, и я не переиду его. Такого и таинственнаго сближеніе душъ, не уступающаго ни въ помощи нагадому, ни въ поддержкѣ словами! Развѣ и я не могъ быть твоимъ братомъ, если ты не будешь знать этого?

и эти прекрасные волосы развѣ не принадлежатъ мнѣ, хотя я не сжимаю ихъ въ страстномъ порывѣ и не покрываю поцѣлуями?

Таково было модное чувство, которому я предавался съ высоты мой мансарды. Насмѣившись, если хотѣте, но тогда я стоилъ большаго. Теперь, если бы мнѣ пришлось сидѣть у окна и любоваться на наивнѣе тогдѣ блондинку, я бы... но прежде всего я не подумалъ бы къ ону изъ опасенія ревности.

Сколько падохотѣ! сколько мечталъ! сколько часовъ провелъ я, опершись лбомъ объ оконныя стекла. Всякому нѣвѣстно это состояніе челоука, когда воображеніе, давая себѣ просторъ, повелѣно распоряжаться нашими мыслями. Умъ усаивается, сердце въ дремотѣ. Мы, единственный предметъ этихъ безсмысленныхъ мечтаній, мы воображаемъ себя то красавицамъ, то богачамъ, то поэтамъ, то принцами... иногда всѣмъ вывѣтъ; мы посеемся въ храмъ, божество котораго, будеть-ли оно извѣстное, все равно, дѣлаетъ насъ своими жрецами или, дуще, обожателями. Мои сестра сопровождала меня во всѣхъ жизненныхъ перепоровахъ, я выбралъ ее своимъ товарищемъ. Она, конечно, очень удивилась бы, услышавъ объ этомъ набраніи.

Небо покровительствовало мнѣ. Что могло оно дѣлать тогда, какъ не помогать этимъ престегнѣмъ существованію, называемымъ любовнымъ? Въ тотъ годъ мѣсяцъ декабрь отличался рѣдкими днями; влажная погода была необыкновенно теплая: можно было подумать, что находится въ апрѣлѣ, до того небо казалось многооблачнымъ. Началось, такъ сказать, повтореніе любимой комедіи. Мадамъ Мортимеръ не пропустила дня, чтобы не явилась въ садъ. Она часто читала, но мои глаза не были на столько проникательны, чтобы разобратъ заглавіе ея книжки въ красномъ переплетѣ съ золотымъ орнаментомъ. Ея хандала одежда, по модѣ того времени, придавала походку ту античную грацію, которую мадемуазель Рашель отличала на сценѣ. Точно исполняя свой постъ, я ежедневно наблюдалъ за прогулками мадамъ Мортимеръ. Этого зрѣлища для меня было достаточно; я думаю о ней все время, но мыслъ распростъ о ней присугу, не приходила мнѣ на умъ. Мое знаніе составляло для меня поэзію жизни и этотъ садъ представлялся мнѣ раемъ, въ которомъ блуждала Беатриче; я не спрашивалъ себя, что съ ней было, когда она исчезала. Нерѣдко я встрѣчалъ у подъѣзда карету, запряженную прекрасными лошадиными. Карета не пріѣзжала раньше возвращенія мадамъ Мортимеръ съ прогулки; она принадлежала кому то, посѣщавшему мою незнакомку. Два или три раза я встрѣчалъ въ прихожей молодого челоука, блонной наружности, звановаго въ колокозничекъ. Всѣ эти матеріяльныя подробности проходили передъ моими глазами, не поражая ихъ. Я наслаждался спокоествіемъ своей идеальной жизни и никакая тѣнь не помрачала блеска картины. Я всегда буду незнакомцемъ для мадамъ Мортимеръ, думаю я, и довольствовался этимъ таинственнымъ союзомъ душъ. Случай сблизилъ меня съ ней. Могъ-ли я когда нибудь предположить, что буду обязанъ этому знакомству медицинѣ! И если я не имѣлъ въ этой наукѣ особеннаго призванія, то не способствовалъ-ли означенное знакомство тому, что я полюбилъ медицину?

(Продолженіе будетъ).

РУКА МЕРТВЕЦА.

РАССКАЗЪ УЛАНА БОДЯКОВА.

Нынѣшній вѣкъ, именно девятнадцатый, былъ на множество дѣтъ моложе, чѣмъ теперь, когда одинъ изъ моихъ друзей, по имени Артуръ Голицей, случайно пріѣхалъ въ городъ Донкстеръ; это случилось какъ разъ въ серединѣ недѣли

скачетъ — что другими словами значило въ серединѣ Сентября мѣсяца.

Это было одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей беззаботнаго характера, легкаго ума, открытаго сердца и богатнаго языка, которые въ высокой степени обладаютъ даромъ фамильярности; онъ безъ особенныхъ заботъ проходитъ жизненный путь, пріобрѣтаетъ друзей всюду, гдѣ имъ приходится бывать. Его отецъ, богатный фабрикантъ, покупалъ въ центрѣ помѣстій, которыхъ было много достаточно, чтобы возбудить зависть во всѣхъ окрестностяхъ славяврахъ. Артуръ, единственный сынъ его, имѣвъ всѣ права и привилегіи наслѣдства богатыхъ имѣній и обширной промышленности, по главѣ котораго стоялъ его отецъ, въ ожиданіи смерти послѣдняго, онъ птаился по свѣту съ хорошо набитыми карманами и не подвергался никакому контролю.

Общественное мнѣніе — или общество, если хотѣте, — приписывало старому джентельмену довольно буйную молодость и говорилъ, что, вопреки благонамѣреннымъ отзывамъ, онъ не былъ расположенъ гнѣваться, видя сына идущимъ по его стопамъ. Можетъ быть, люди были правы, но могли и ошибаться. Что касалось до меня, то я зналъ точно, что г. Голицей-отецъ начиналъ старѣть и я никогда не встрѣчалъ джентельмана, болѣе достойнаго уваженія во всѣхъ отношеніяхъ.

Птасъ — какъ я сказалъ уже — въ одинъ прекрасный сентябрьскій день нашъ Артуръ пріѣхалъ въ Донкстеръ и, по своему обыкновенію, не долго думая, согласился быть артистомъ на бѣгахъ. Онъ похвально въ городъ лишь въ кончу вѣчера и открывался на вселій судачу въ главный отель, справиться о коннѣхъ и обѣдѣ. Что касалось до обѣда, то онъ точно же былъ ему предложенъ; — но желаніе поучитъ почета возбуждало смѣхъ въ саунетахъ.

Во время недѣли скачекъ, въ Донкстерѣ, путешественники, не побоявшіеся заблаговременно о пріиспаніи, зачастую поучаютъ въ своихъ каретахъ у дверей гостиницы. Что же касается пріѣхавшихъ изъ низшаго класса, то я нерѣдко видѣлъ ихъ поучающимъ у дверей. Несмотря на богатство, Артуръ не сдѣлавши заранѣе распоряженій, рисковалъ остаться безъ лошадей.

Онъ отправился на другую, въ третью гостиницу и вселу поучалъ одинъ отѣль. «Не оставалось мнѣ ни для кого. Во время недѣли скачекъ, всѣ бѣстѣіе совершенно, поащаманіе его карманъ, не въ состояніи достать для него въ Донкстерѣ почета».

Для молодого челоука, съ привычками Артура, было нѣсколько нецелесообразно видѣть себя такимъ образомъ вынужденнымъ на улицу, какъ бродягу. Онъ продолжалъ свои поиски, съ савъ-возмож въ рукахъ, прося почета у дверей всякаго общественного заведенія, пока наконецъ не очутился въ крайнихъ предѣлахъ предмѣстья многолюднаго города.

Послѣдній свѣтъ сумерекъ начиналъ исчезать, луна выплывала на облачномъ небѣ, воздухъ становился свѣжѣе, густая туча медленн ступалась; одинъ словомъ, все предвѣщало дождь.

Видъ этой угрожающей ночи слегка уменьшилъ всеосое расположение духа молодого Голицей. Положеніе, въ которое ставило его поппіе отсутствие убѣжища, начинало представляться ему очень неутѣшительнымъ и онъ съ исприворновою беззаботностію искалъ глазами какого нибудь public-house.

Частъ предмѣстья, куда онъ зашелъ, тускло освѣщалась нѣсколькими фонарями; дома, мимо которыхъ онъ проходилъ, становились все меньше и грабнѣе. Въ концѣ узкой улицы, простиравшейся передъ нимъ, коптание пламя маслянаго фонаря бесцельно боролось съ окружающимъ его мракомъ. Артуръ рѣшился дойти до этого фонаря и затѣвъ, если не предстанетъ ничего, похажога на гостиницу, возвратиться въ центрѣ

города и поспевать хотя краса для почтения въ одномъ изъ первоклассныхъ отелей.

Подходя къ фойеро, они услышали шумъ голосовъ; фонарь освѣщалъ входъ въ узкій дворъ: на стѣнѣ была наклеена длинная рука мисного дѣвца (между прочимъ, парадно засаженная), а на своихъ тонкихъ указательныхъ пальцахъ приглашала пройти сѣдующую надпись:

«Домъ краснорески».

Артуръ, безъ малѣйшаго колебания, вошелъ на дворъ, съ намѣреніемъ убѣдиться, что могли предложить къ его усугубу *домъ краснорески*. Нѣсколько человѣкъ стояли передъ двері, находившейся внутри двора, противъ главнаго входа. Эти люди внимательно слушали одного человѣка, одѣтаго лучше, чѣмъ всѣ остальные; его слова, пропущенныя тихимъ голосомъ, по видимому, имѣли сильный интересъ для слушающихъ. Входя въ узкій проходъ, Артуръ встрѣтилъ незнакомаго, который, съ сагомъ въ рукѣ, поспѣшно выходилъ изъ дому.

— Нѣтъ, говорить этотъ путешественникъ, котораго скромная сумочка обладала нѣсколькими не богатыми, — онъ отвѣчалъ такимъ образомъ сопровождавшему его толстоу, пышному человѣку, съ хитрой физиономіей, опасанному бѣлыми передниками.... Итъ, хозинъ, я не тревожусь изъ за пустаковъ; но, увы, вѣдь вы, что это *этимъ* я не могу помириться....

Голосида подумалъ, что съ незнакомца за почетомъ у *Краснорески* требовали баснословную дѣву и что онъ не могъ или не хотѣлъ согласиться на предлагаемыя условія.

Только-что тотъ повернулъ спину, Артуръ, вполнѣ подгадываясь на свой платный кошелекъ и вѣдѣвъ съ тѣмъ опасаясь быть предупрежденнымъ, поспѣшилъ предстать къ хитроумному хозиню, грязный передникъ въ пыльную грязь котораго оттолкнулъ бы его во всякое другое время.

— Если у васъ есть постель, которую можно нанять, начавъ оны, и если тотъ господинъ не желаетъ дать требуемую плату, то я готовъ оставить ее за собою».

Хозинъ бросилъ на Артура нѣсколько прощесскихъ взглядовъ:

— Правду-ли вы говорите, сударь? спросилъ онъ, подумавши и съ сомнѣніемъ въ голосъ.

— Назначьте цѣну, сказалъ Голосида, воображая, что нерѣшительность хозина происходила отъ сомнѣній въ его денежныхъ средствахъ.... Скажите вашу цѣну и, если угодно, я заплачу впередъ.

— Можете вы дать нѣтъ шалашного? спросилъ хозинъ, потирая свой двойной, плохо выбитый подбородокъ и задумчиво глядя на потолокъ.

Артуръ чуть не расхохотался подъ пость, этому забавнику; но счтя балагурящими возмущающими, онъ самымъ серьезнымъ образомъ подѣлалъ нѣтъ шалашного. Хозинъ протянулъ руку, но потомъ тотчасъ же отдернулъ ее:

— Вы очень торопитесь, сказалъ онъ; и такъ какъ вы ужь очень оторопены со мною, то и я буду дѣйствовать также въ отношеніи васъ, прежде чѣмъ принять ваши деньги.... Подумайте хорошо о томъ, что я вамъ скажу!.. Я могу предложить вамъ постель за нѣтъ шалашного; но въ вашемъ распоряженіи будутъ только половина комнаты, гдѣ помѣщается эта постель.... Помните мене, молодой джентльменъ?

— Конечно, возразилъ Артуръ съ нѣкоторыми нетерпѣливостями; вы говорите о комнатѣ, въ которой лѣтъ постели и одна изъ нихъ уже занята».

Хозинъ кинулъ головою и началъ еще сильнѣе потирать свой двойной подбородокъ. Артуръ колебался и машинально отомшелъ на нѣсколько шаговъ къ выходной двері. Мысль почевать въ одной комнатѣ съ совершенно незнакомымъ лицомъ не представляла ничего приличнаго.

Онъ чувствовалъ большое влеченіе положить обратно въ карманъ свои пять шалашныхъ, если бы даже пришлось снова начать странствованіе по улицамъ.

— Согласны вы, или нѣтъ? спросилъ хозинъ; рѣшались поспѣе, потому что и безъ васъ въ Докистеръ много людей, пужающихся въ постель въ такую ночь».

Артуръ посмотрѣлъ на дворъ и услышалъ глухой шумъ дождя, падавшего въ нѣсколько шагахъ отъ него; онъ рѣшилъ, что лучше откажется предложить еще нѣсколько вопросовъ, прежде чѣмъ неблагоприятно откажется отъ гостеприимства *дома краснорески*.

— А какой-то субъектъ покоится на другой постели? спросилъ онъ. Джентльменъ ли онъ? т. е. въ состояніи-ли онъ вести себя какъ слѣдуетъ? Тихій-ли онъ человѣкъ?»

— Самый тихій человѣкъ, какого я только знаю, отвѣчалъ хозинъ, потирая укоркой свои жирныя руки.... Спокойнѣе, какъ судья, посѣдоушавъ, какъ мальчикъ.... Девять часовъ еще безъ десяти минутъ, а онъ уже въ постель.... Не знаю, это-ли вы разумете подъ словомъ «тихій человѣкъ»; я не видываю человѣка, боже достойнаго такого названія.

— Какъ вы думаете, заснуть онъ? спросилъ Артуръ.

— Я увѣренъ, что онъ спитъ, отвѣчалъ тотъ; кромѣ того, онъ такъ скоро закрывъ глаза, что вы ни за что не разбудите его.... Сюда, сударь! продолжалъ хитрецъ черезъ плечо Голосиды, какъ-бы обращаясь къ новому посетителю, шедшему со двора.

— Одну минуту, сказалъ Артуръ, рѣшившись предупредить незнакомаго, кто-бы онъ ни былъ.... Я беру постель». Онъ отдалъ нѣтъ шалашного хозиню, который, сдѣлавъ кивнувъ головою, небрежно сунулъ монету въ жилетъ и поспѣшилъ зачекъ съѣду.

— Поднимитесь наверхъ, посмотрѣть комнату», прошепталъ хозинъ *дома краснорески*, провозжаа своего гостя по лѣстницѣ замѣчательно медленнымъ шагомъ, вслѣдствіе своей тучности.

Онъ поднялся во второй этажъ дома. Хозинъ протворилъ дверь, находившуюся противъ площадки, затѣмъ остановился на порогѣ, обращаясь къ Артуру:

— Обратите вниманіе на то, сказалъ онъ, что мы вполнѣ согласны въ цѣвѣ. Вы предлагаете мнѣ нѣтъ шалашного; я же въ замѣвъ отдаю вамъ удобную и чистую постель; кромѣ того, я вполнѣ гарантирую ваше спокойствіе относительно человѣка, который спитъ съ вами въ одной комнатѣ». При этихъ словахъ онъ внимательно посмотрѣлъ на молодого посетителя и вѣдѣвъ его въ подоткрытую дверь.

Комната была гораздо обширнѣе и опрятнѣе, чѣмъ предполагалъ Артуръ. Дѣйствительно стояли параллельно одна другой и были раздѣлены простѣнками около шести футовъ; каждая была снабжена бѣлыми пологомъ, которыми, въ случаѣ надобности, могла быть со всѣхъ сторонъ закрыта.

Занятая кровать стояла ближе къ единственному окну; пологъ на ней былъ опущенъ, исключая самаго отдаленнаго отъ окна края. Артуръ зашѣлъ выдвигаясь подъ одѣялою ноги спавшаго человѣка; по видимому, онъ лежалъ на спинѣ. Артуръ всталъ съ постели, подошелъ къ своей постели, чтобы задержать открытый пологъ — на подорожѣ остановился, прислушавшись и, обратившись къ хозиню, сказалъ:

— Онъ спитъ очень крѣпко.

— О! да, отвѣчалъ тотъ самымъ спокойнымъ голосомъ.... Молодой Голосида съ собою въ рукѣ осторожно подошелъ къ незнакомцу.

— Какъ онъ бѣденъ! сказалъ Артуръ.

— Да, такъ бѣденъ, отвѣчалъ хозинъ.... Вѣдь и вамъ такъ кажется, неправда-ли? Артуръ посмотрѣлъ внимательнѣе на спавшаго. Отдаю доходя до его подбородка и нѣсколько не козыхалось на груди. Утолщенный этикъ обстоятельствомъ, Артуръ напустился ближе къ незнакомцу — посмотрѣть на его открытыя, бѣдныя губы.... Присталъ дышанье, чтобы прислушаться — опять всмотрѣлся въ это странно строено лицо, въ губы, въ неподвижную грудь и вдругъ, обернувшись къ хозиню свое, стоялъ же бѣденъ, лицо, какъ у распростертаго передъ нимъ челоука:

— Подойдите!.... пробормоталъ онъ беззвучнымъ голосомъ. Ради Бога, подойдите!.... этотъ человѣкъ не спитъ.... Онъ умеръ.

— Вы открыли это гораздо раньше, чѣмъ я предполагалъ, сказалъ хозинъ съ полнымъ хладнокровіемъ; онъ умеръ, вещь очень обыкновенная.... Сегодня, въ пять часовъ, онъ отравился на тоѣ стѣнѣ.

— Почему же онъ умеръ? кто онъ такой? началъ разспрашивать Артуръ, нѣсколько смущенный необыкновеннымъ спокойствіемъ отвѣта.

Относительно того, что онъ такой, возражалъ хозинъ, я знаю не больше васъ. Въ этомъ коротенькомъ картонѣ заключаются его кинтъ, письма и дѣла, пригнотвенныя для сѣдственаго пристава; не завтра, такъ послѣ завтра будетъ произведено сѣдствіе. Покойникъ прожилъ здѣсь нѣкую недѣлю, плата аккуратно и осталась въ кончатъ большую часть времени, какъ бѣдныя. Мои дѣла прислали ему какъ сегодня около пяти часовъ въ ту минуту, когда онъ началъ пить, съ нѣтъ сдѣлавъ припадокъ или онъ просто ослабѣлъ, не знаю хорошою. Мы не могли привести его въ сознаніе и я рѣшилъ, что онъ умеръ. Врачи тоже не могъ ничего подѣлать и заключилъ, что онъ мертвъ....

Вотъ все, что извѣстно про него.... Сѣдствіе начнется въ самомъ скоромъ времени.... Боже и ничего не могу разсказать вамъ».

Артуръ приблизился съ нѣтъ губамъ покойника; на стулѣ продолжалъ горѣть также спокойно. Наступило минутное молчаніе, прерываемое монотоннымъ стукомъ дождя въ оконныя стекла.

— Если вы ничего болѣе не имѣете сказать мнѣ, продолжалъ хозинъ, то я могу уйти.... Я не думаю, чтобы вы нѣмало требовали обратно ваши пять шалашныхъ.... Вотъ постель, какъ я обѣщалъ, чистая и удобная; нѣтъ челоука, самый тихій въ мѣрѣ, на стѣну котораго я гарантировалъ ваше спокойствіе.... Если вы теперь болѣе остались съ нѣтъ насѣдѣ, то это до меня вовсе не касается. Я выполняю всѣ условія нашего договора и намѣренъ удержать за собою деньги.... Хотя я и не Юршпретъ, но пожелать такъ вполнѣ достаточно для того, чтобы поразить свои мозги; такъ, мене нѣсколько не удивитъ, если вы будете немного осторожнѣе при будущей встрѣчѣ со мною».

Стѣтими словами хозинъ направился къ двери, отнесъ доволныи своимъ остроуміемъ, что доказывалось его сдержанными смѣхомъ въ эту минуту.

Поражающий въ первый моментъ, Артуръ успѣлъ теперь совершенно прийти въ себя; онъ подумалъ на здую шутку, которую съ нѣтъ сыгралъ и на грубое торжество содержателя гостиницы.

— Не чень-то свѣтлѣе, замѣтилъ онъ съ вѣдностью, пока не получите достаточной на то причины.... Ваши пять шалашныхъ ободуеда мене не такъ дешево, какъ вы думаете, любезный.... Я останалю за собой эту постель.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ хозинъ.... Очень хорошо! Желаю вамъ спокойной ночи».

Послѣ этого лаконическаго пожеланія, онъ вышелъ, заперъ дверь за собою.

(Продолженіе сценъ).

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Дѣтне загородные театры. — Предполагаемо расширение сценической промышленности. —
Артисты птица въ Америкѣ.

Мнѣ непонятна страсть въ сценическимъ представлениямъ въ той степени, въ какой она проявляется у петербургцевъ. Мало того, что влеченіе всей массы главнѣйшая ихъ забота состоитъ въ томъ, чтобы не пропустить ни одной итальянской оперы, ни одного представления «Прекрасной Елены» и т. п., но и дѣтскіе, дѣтскіе, продолжающіе не болѣе одного мѣсяца, они не могутъ обійтись безъ театра. Чтобы видѣть въ свой разъ «Прекрасную Елену» или «Всѣмъ намъ жажда любви» и другія, въ этомъ родѣ, пьесы, они охотно, среди жаркаго дня, долѣе закупориваютъ себя герметически въ балаганы, называемыхъ загородными театрами, и тамъ, въ потѣ лица, въ смертоѣ до удрученія воздухъ, способны просидѣть нѣсколько часовъ сряду, аладируя такъ называемыхъ *любителямъ актеровъ*. Подумайте, что петербургскіе цѣлыхъ 10 мѣсяцевъ остаются закупореннымъ въ своей городской квартирѣ, затѣмъ они перебираются на дачу, но такъ какъ благоразсудительный весенній воздухъ все еще продолжаетъ оставаться на зимнемъ положеніи, то петербургцы продолжаютъ оставаться и на дачѣ еще цѣлый мѣсяцъ въ томъ же закупоренномъ состояніи. Настаетъ наконецъ настоящее лѣто: казалось бы весьма естественнымъ отрицаться отъ этой, столь продолжительной, уловки, расстаться по шире двери и окна и дышать всей грудью, если не вполнѣ чистымъ, то вѣснѣмъ дѣтскимъ воздухомъ, — такъ нѣтъ: они избѣгаютъ дѣтныя театры и такимъ образомъ не выходятъ изъ уловки на свѣтъ Божій. Дѣла платитъ громадная дѣньги, чтобы только дали ему возможность вѣснѣмъ дѣтскимъ наслажденіямъ. Что касается *игръ любителей актеровъ* — объ этомъ говорить не стоитъ, такъ какъ въ сущности игра здѣсь составляетъ второстепенное дѣло. Ну, конечно, лишь бы былъ спросъ, а за товаромъ дѣло не станетъ: явились угодливые антрепренеры, кое какъ сволокли палаты, два въ Лѣсномъ, одинъ въ Ораніебаумѣ, собрали труппу любителей актеровъ и все готово: «пожалуйте-съ» почетная публика: дайте-съ денжечки, а мы все предусмотрѣли для вашего удовольствія».

Говорятъ, что тѣ же промышленники, поощряемые почетной публикой, предполагаютъ въ будущемъ году наводнить дѣтскими театрами всѣ окрестности Петербурга. Не говоря уже о Петербургѣ, Павловскѣ и Царскомъ Селѣ, которые, несомнѣнно, получатъ свои театры, какъ жакеты, наготовленые проекты театровъ для Новой Девы, Черной рѣчки, Колодезники и другихъ. Впрочемъ, это обширное сценическое предпріятіе, по моему вѣроятію, будетъ развиваться постепенно, но такъ, чтобы всеобщая дѣтская театралізація Петербурга сдѣлалась не ранѣе, какъ по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Нечего дѣлать! Надобно вооружиться терпѣніемъ въ виду столь прекрасной перспективы. Иванъ Ивановичъ Назаръ не долженъ сашкомъ печалиться будущимъ появленіемъ второго театра въ Новой Девѣ: онъ долженъ вспомнить, что уже существуютъ два театра въ Лѣсномъ. Объ опасной конкуренціи тутъ не можетъ быть и рѣчи; публика раздѣлится и театры будутъ всегда полны. Раннимъ образомъ съвою не огорчатся содержателя театры на Крестовомъ островѣ: публики достанетъ и для его представлений.

Не удивительно, впрочемъ, что петербургцы такъ падаютъ на всѣя представленія, когда и между птицами нѣкоторыхъ странъ свѣта явились своего рода клоуны, не мало потыпавшіе первое общество. Такъ, одинъ изъ путешественниковъ

по Америкѣ рассказываетъ слѣдующій случай, который онъ былъ очевидцемъ въ недавнее время. Въ какомъ то былъ городѣ, не помню, но путешественникъ говоритъ, что въ одинъ прекрасный вечеръ онъ, въ сопровожденіи своего пріятеля, природного американца, отправился за городъ, чтобы полюбоваться его окрестностями.

Устае послѣ продолжительной прогулки, они лежали на травѣ въ какой то живописной рощѣ. Внезапно разговоръ ихъ былъ прерванъ какимъ то особеннымъ, необыкновеннымъ крикомъ. Крикъ этотъ былъ чрезвычайнаго пронзительнаго, но дикія звуки его были до того своеобразны, что человѣкъ, незнакомый съ ними, трудно было опредѣлить, кто могъ ихъ издать: человѣкъ ли, звѣрь ли, или явная нибудь птица. Путешественникъ былъ пораженъ ими, но едва онъ успѣлъ вопрошенно поспѣшать на своего товарища, какъ тотъ, быстро поднявшись съ своего мѣста, пустился бѣжать по направлению, откуда неслись эти звуки. Они вѣсело размахивали руками и повторяли непонятно для путешественника слово: «Паго! Паго!» Чтобы не остаться одному въ лѣсу и совершенно неизвѣстной мѣстности, путешественникъ послѣдовалъ за своимъ пріятелемъ, который торжешо, хотя съ немалымъ трудомъ, пробрался въ самую чащу лѣса. Наконецъ послѣ нѣсколькихъ минутъ этого загонаго бѣга, онъ остановился и таинственно давалъ знакъ едва noticeableмъ за нимъ товарищу, чтобы тотъ къ нему приблизился. Когда тотъ, подойдя къ нему, спросилъ, что все это значитъ, американецъ пошопотомъ отвѣчалъ: «смотрите, Паго даетъ свое представление!» Взорамъ иностранца открылась такая картина: на испоконномъ и необыкновенно высокімъ деревѣ сидѣла большая, желтая цѣта, съ бѣлыми полосками, птица, которую американцы называли Паго. Она продолжала неистовый крикъ свой, при чемъ махала крыльями и дѣлала движенія головою. На этотъ крикъ, какъ на какой нибудь условленный сигналъ, съѣлись разноеперныя птицы, которая рассказывала по вѣтвямъ того же дерева. Когда ихъ набралось довольно значительное количество, Паго замолчала, настала глубокая тишина; взоръ всѣхъ съѣзжихихъ посетителей былъ устремленъ на него. Онъ долго сокочилъ съ дерева на землю, пошелъ по всѣмъ сторонамъ головою, какъ бы желая удостовѣриться, что вниманіе пернатыхъ зрителей обращено на него и затѣмъ дѣйствительно началось представление. Чрезвычайно быстрыми участными шагами онъ сталъ опускаться кругъ, обѣда который нѣсколько разъ, онъ остановился, снова опущу взоромъ публику, отвѣчавшую ему на это вступленіе, вѣсто аплодисмента, сдержаннымъ, на дружными веселыми криками. Обернувшись стою асѣтымъ примѣомъ, онъ, не сходя съ мѣста, обернулся вокругъ, какъ бы благодаря зрителей и всѣмъ затѣмъ, улегшись на спину, сталъ выдѣлывать какіе то кушкетны. Окончивъ эту работу, онъ намахнулъ нѣсколько разъ крыльями, встрепенулся всѣмъ тѣломъ, вѣрнато, чтобы отряхнуться и привести въ порядокъ свои помятый перья и снова поднялъ въ верху голову. Раздѣлся крикъ восторга внимательно свѣдѣвшихъ за его движеніями зрителей. Видно, что крикъ этотъ выражалъ одобреніе, такъ какъ онъ тотчасъ прекращался, когда Паго приступалъ къ новымъ фокусамъ. Вотъ, подпрыгнувъ, онъ сдѣлалъ на воздухъ salto-mortале и, опрокинувшись грудью къверху, принялся жужжать на крыльяхъ, поддерживаясь назадъ откинутой головою. Этотъ фокусъ произвелъ ошелоченный вѣторъ; публика стала на этотъ разъ неистово кричать и волноваться на своихъ вѣтвяхъ. Еще нѣсколько фокусовъ и программа, какъ видно, была выношена, ибо Паго, рассказавшии по своему по всѣмъ сторонамъ, оглашаемый своеобразными аплодисментами, вѣтвенно исчезъ изъ виду, а затѣмъ и публика разсѣлась.

Вѣликая страна Америка! и въ птицахъ ея

видно умственное развитіе: онъ не чета нашимъ сорочкамъ и воронамъ. Почему бы кому нибудъ изъ дѣтскихъ умовѣтелей петербургской публики не пригласить на дѣтскій сезонъ нѣсколькихъ американскихъ Паго. Они своимъ искусствомъ доставили бы и намъ не мало удовольствія. Почему бы этой мыслью не воспользовались учредителями компаніи загородныхъ дѣтскихъ театровъ? Появленіе Паго на ихъ сценѣ несомнѣнно содѣйствовало бы увеличенію сбора, и этимъ послужило бы къ развитію самого предпріятія. Я принадлежу къ партіи весьма умышленныхъ любителей театральныя представленія, но если въ будущемъ году въ афишѣхъ какого нибудъ изъ загородныхъ театровъ прочту такую программу: «Въ виду дивергентна, вновь ангажированныхъ американскихъ артистовъ г. Паго дано будетъ неслыханное доселѣ представленіе и проч.» то непремѣнно за нѣсколько дней добу дойдутъ на представленіе, и, повѣрьте, что такихъ, какъ я, будетъ не мало.

Н. Ц.

СМѢСЬ.

Появившееся американское изобретеніе есть стулъ для снушанія новорожденныхъ. Стулъ этотъ снабженъ механизмомъ, который какъ сказать не до того, чтобы показывать проповѣднику дурно изученную рѣчь, но для доставленія, тахуикъ, чаеанъ пасты, до сихъ поръ недоступнаго для нѣхъ средства достигнута вѣтшаго спасенія. Эта чудесная машина находится въ одной изъ церквей Чикаго, и построена ея стоила 80 тысячъ долларовъ. Изъ длиннаго мѣднаго рупора проведена трубка въ одиннадцатидеять футовъ, въ которыхъ устроены гуттаперчевые мѣхи съ належащими спирами; инструментомъ этотъ гауке прикладываютъ къ уху и слышатъ все проповѣдь, отъ первого до послѣдняго слова.

..

Китайки. Положеніе женщины въ Китаѣ таково, что если она и не считается собственно рабомъ, то, во всякомъ случаѣ, не можетъ принятія въ себя названіе похити мужа. Эта почитенность ярче всего выступаетъ у богатыхъ классовъ. Рожденіе дѣвочки у всѣхъ сословій считается несчастьемъ, и на воспитаніе ея, конечно, не обращаютъ такъ много вниманія, какъ на воспитаніе мальчика. Первые годы ея жизни проходятъ въ таинственномъ уединеніи. Она смѣетъ выходить только въ садъ, соединяющій отдаленныя помѣщенія большого дома. Какъ выше сказано, воспитаніе ея какъ нельзя болѣе простое, маня и покровъ платякъ безвкусны, просты и скромны, елико возможно. Съ замужествомъ жанъ ея нѣсколько измѣняется. Но при этомъ дѣло обходится безъ ея согласія: на дочь смотрятъ какъ на товаръ, который нужно продать за вѣнчую сумму. Вышедши замужъ, она видѣтъ себя органою драгоцѣнностями и роскошными нарядами; главное занятіе ея состоитъ въ томъ, чтобы наряжаться и украшаться; короче, дѣлать все, чтобы понравиться тому, къ чѣмъ должны быть заняты тебѣ весь ея мыслъ. Ея не отказываютъ ни въ чемъ, что она считаетъ необходимымъ для достиженія этой цѣли. Платя ея дѣлаются изъ самыхъ дорогихъ матерій; она украшаетъ драгоцѣнностями шею, пальцы, руки; возмозъ плечевъ подъ массой жемчуга, отягощающаго ея голову. Если мужъ и жена не согласны, то послѣднюю обыкновенно отсылаютъ въ родители. Жена не можетъ даже требовать получить въ наследство имущество умершаго мужа; но если онъ отказалъ ей что либо изъ зажиточнаго, она уо получаетъ эту часть. Если вдова бездѣтна, или у нея только дочь, то наследство достается ближайшимъ родственникамъ покойнаго, которые облагодѣствуютъ дочерей, пока онѣ не выйдутъ замужъ

Типография А. М. Котомкина. Перск. просп. 1, № 18.